

СЛОВАРЬ
Л.С. ВЫГОТСКОГО

Коллектив авторов Словарь Л. С. Выготского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373635

Словарь Л. С. Выготского: Смысл; Москва; 2007

ISBN 5-89357-169-X

Аннотация

Авторский терминологический словарь Л.С. Выготского включает все определения психологических понятий, данные в его опубликованных работах, а также фрагменты его текстов, где дается развернутая интерпретация таких понятий. Словарь рассчитан на широкий круг специалистов-гуманитариев, в особенности психологов (научных работников, преподавателей, практиков), в том числе студентов и аспирантов.

Содержание

Введение	6
Лев Семенович Выготский[1]	9
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ.
М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ
СЛОВАРЬ Л.С.
ВЫГОТСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А.А. ЛЕОНТЬЕВА**

Авторский коллектив:

Е.Н. Высоцкая, А.А. Леонтьев, Ю.В. Новожилова, А.В. Степаносова, Ю.А. Стороженко, Л.Требунская, И.С. Уточкин, С.Г. Чернацкий, В.Ю. Шевяхова, В.Ю. Штратникова

Автор вступительных статей и указателя А.А. Леонтьев

Издание подготовлено при поддержке Российского гума-

нитарного научного фонда, проект № 98 – 06 – 08056а.

Книга выпущена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 02 – 06 – 16001 д.

Введение

Великий психолог XX века Лев Семенович Выготский (1896 – 1934) оставил огромное научное наследие, до сих пор полностью не осмысленное. Количество работ, посвященных этому наследию, тоже огромно. Однако многое из того, что было написано и опубликовано Выготским (или опубликовано после его смерти), прошло мимо внимания исследователей. Поэтому очень актуальна задача собрать это наследие и осмыслить его под углом зрения развития концептуальной системы Выготского.

Эта задача была выдвинута на одной из конференций, посвященных столетию со дня рождения Выготского, и обсуждена такими выдающимися российскими психологами, работающими в русле идей Выготского, как В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, А.В. Петровский, В.А. Петровский, А.Г. Асмолов, АА. Пузырей, В.Я. Ляудис, АН. Ждан, Г.Г. Кравцов, а из зарубежных – Дж. Верч (США), С. Веджетти (Италия), Ж. Карпеи (Нидерланды). Идея «Словаря» была поддержана также Гитой Львовной Выгодской и директором Института психологии РАН А.В. Брушлинским.

Каково, на наш взгляд, научное значение «Словаря»?

Прежде всего подтвердилась сама принципиальная возможность написания словаря данного типа. Насколько нам известно, наш опыт является уникальным в том смысле,

что не существует ни одного подобного «Словаря», который представлял бы понятийно-терминологическую систему того или иного крупного психолога в ее развитии, причем с опорой на толкования, данные им самим. Когда данная работа будет завершена, она вполне может (при известной коррекции) лечь в основу других аналогичных словарей.

Далее, уже собранные материалы подтвердили идею о том, что понятийная система Выготского находилась в процессе непрерывного развития и изменения. Это можно проследить, так сказать, даже невооруженным глазом. Сошлемся на беседу с одним из технических сотрудников проекта (аспиранткой факультета психологии МГУ). Представляя выполненную ею часть работы, она сказала, что ранее была не согласна с моим (А.А. Леонтьева) мнением, что уже в работах самого Л.С. Выготского содержится деятельностный подход, однако, проследив эволюцию его взглядов по конкретным текстам, вынуждена была согласиться со мной.

Наконец, чрезвычайно важным результатом уже осуществленного этапа работы является своего рода «переоткрытие» многих текстов Выготского. Рассуждая о его взглядах и их эволюции, психологи часто опираются на ограниченный круг публикаций Выготского (типа «Мышления и речи», «Орудия и знака» и т.п.), в то время как именно в малоизвестных его работах (например, опубликованных фрагментах его записных книжек, статьях в журнале «Педология» и многих других) зачастую можно найти весьма значи-

мые мысли и формулировки. То, что расписыванию подвергались практически все опубликованные работы Выготского, позволило найти в его, казалось бы, общедоступном научном наследии много нового и нестандартного, эвристически значимого.

Первоначально «Словарь» был задуман как своего рода диалог между различными пониманиями Выготского: кроме цитат-дефиниций и цитат-контекстов из текстов Выготского, планировалось включить комментарий к наиболее важным словарным статьям и «контркомментарий», написанный представителем другой точки зрения на Выготского. Кроме того, предполагалось, что в каждую словарную статью будет включен английский эквивалент соответствующего термина (по переводам и англоязычной литературе о Выготском). Возникшие трудности привели нас к другой модели – мы разделили всю работу над «Словарем» на два этапа и на первом этапе (результатом которого и является настоящий вариант «Словаря») ограничились только организацией выписок из текстов Выготского.

Мы приносим глубокую благодарность всем тем, кто на разных этапах поддержал «Словарь» и участвовал в работе над ним. Особая благодарность – нашему доброму гению, хранителю рукописного наследия Льва Семеновича и неутомимому пропагандисту его идей, – Гите Львовне Выгодской.

А.А. Леонтьев

Лев Семенович Выготский¹

Двадцатый век в России богат мыслителями мирового уровня. Это Владимир Иванович Вернадский, создатель концепции ноосферы. Это Павел Александрович Флоренский, Михаил Михайлович Бахтин, Густав Густавович Шпет, Юрий Михайлович Лотман, Николай Александрович Бердяев. К этому списку можно добавить и А.Ф. Лосева, и Н.О. Лосского, и А.А. Ухтомского, и Р.О. Якобсона. Такое созвездие талантов сделало бы честь любой стране в любую историческую эпоху.

Лев Семенович Выготский органично вписывается в этот ряд. Судьба его напоминает судьбы других людей из нашего списка. Конечно, он не погиб в заточении, как Флоренский или Шпет, не был насильственно выдвинут в эмиграцию, как Бердяев и Лосский.

Выготский умер своей смертью в разгар стремительного творческого взлета, не имеющего аналогов в научных биографиях других ученых. Может быть, ему и повезло – едва ли он пережил бы 1937 год, особенно если учесть, что в конце 1936 года, после «судьбоносного» постановления ЦК ВК-

¹ Статья ранее опубликована в «Психологическом журнале», 2001, № 4, под названием «Ключевые идеи Л.С. Выготского – вклад в мировую психологию XX столетия». Благодарим редакцию за любезное разрешение напечатать эту статью в составе настоящего «Словаря».

П(б) «О педологических извращениях в системе наркомпро-сов», уже мертвый Выготский стал основной мишенью уничтожающей критики – чего стоит хотя бы знаменитая брошюрка Е.И. Рудневой «О педологических извращениях Л.С. Выготского». Большинство его книг было изъято, его имя вычеркивалось цензорами из корректур, а о переиздании его трудов было смешно и думать. Как и об издании рукописей – а в их числе были такие замечательные книги, как «Психология искусства», «Исторический смысл психологического кризиса», «Орудие и знак в развитии ребенка», «Учение об эмоциях», наконец, небольшая, но переполненная мыслями работа «Конкретная психология человека». Все это сейчас доступно читателям, хотя многие рукописи Выготского и разбросанные по малоизвестным журналам и сборникам его публикации до сих пор находятся вне поля зрения специалистов.

1956 год принес Выготскому восстановление его реально-го места в советской психологии, а затем мировую известность. В гуманитарных науках едва ли применим распространенный в науковедении критерий «индекса цитирования», но если бы был проделан под этим углом зрения анализ психологических публикаций на Западе в последние десятилетия истекшего столетия, мы бы увидели, что даже в «закрытой» от европейской (не говоря уже о советской) психологии Америке считалось неприличным для психолога, занимающегося детской, педагогической, да и общей психоло-

гией, не упоминать имя Выготского. Другой вопрос, что Выготский воспринимался на Западе, особенно в США, не совсем таким, каким он был на самом деле. Его усердно перекрашивали то под необихевиориста, то под когнитивиста, то под экзистенциального психолога...

Впрочем, вклад Выготского в психологию, да и в гуманитарные науки в целом, был столь велик и многогранен, что у него можно было взять различные идеи, даже не очень нарушая целостность его концепции. Так и произошло в последние десятилетия двадцатого века не только в других странах, но и в нашей собственной стране. Книги о Выготском исчисляются сейчас десятками. Но в каждой из них он рисуется иначе, так, как его воспринимает тот или иной автор. Выготский А.В. Брушлинского или Е.А. Будиловой не слишком похож на Выготского в книгах В.П. Зинченко, А.А. Пузыря, Дж. Верча. М.Г. Ярошевский или А. Козулин не сходятся в оценках с Я. Вальсинером, Н. Вересовым, А.Г. Асмоловым или автором настоящих строк.

Поэтому, кстати, очень трудно писать о роли Выготского в мировой науке XX столетия: любое суждение кому-то покажется субъективным и «партийным». Тем не менее нам хотелось бы в настоящей статье попытаться выйти за пределы собственной интерпретации Выготского и его научного пути и выделить то самое главное, что не подлежит сомнению (а если кто-то и с этим не согласен, то это, как говаривал В.Б. Шкловский, уже факт его собственной биографии, а не био-

графии Выготского).

Начнем с того, что Выготский был марксистом (как он сам говорил, материалистом в психологии), и это в значительной мере определяло его научные взгляды. Когда мы говорим о марксизме Выготского, то отнюдь не имеем в виду тот вульгаризованный псевдомарксизм, который, начиная с 1930 года, вошел в официальную советскую идеологию в качестве ее составной части (и «вершиной» которого была знаменитая четвертая глава в сталинском «Кратком курсе»). Тот псевдомарксизм, который под именем «марксистско-ленинской философии» пропагандировался академиками Юдиным и Митиным и преподавался в любом вузе Советского Союза, не имел ничего общего с подлинной философией Маркса, – и не случайно ранние работы последнего, в том числе замечательные «Экономическо-философские рукописи 1844 года», стали доступны широкому читателю только все в том же 1956 году... Нет, Выготский был подлинным марксистом, марксистом-диалектиком, объективно примыкая к группе А.М. Деборина, в 1930 году осужденной Сталиным за «правый уклон» (тот же именитый автор приклеил деборинцам знаменитый ярлык «меньшевистствующих идеалистов», смысл которого так и остался непонятым).

Можно подумать, что таких марксистов в 20 – 30-х годах было много. Конечно, людей, называвших себя марксистами, хватало. Но образованными философами и психологами были единицы – большинство же повторяли заученные форму-

лы, не будучи в состоянии их осмыслить и успешно применить в конкретной научной деятельности. (Выготский имел все основания заметить в «Историческом кризисе»: «Быть в физиологии материалистом нетрудно – попробуйте-ка в психологии быть им».) Среди них можно, кроме Выготского, назвать Павла Петровича Блонского (у которого Выготский учился в университете А.Л. Шанявского); Сергея Леонидовича Рубинштейна, совершившего почти немислимое: не зная неопубликованных тогда (в 20-х годах) философских работ Маркса и Энгельса, он сделал самостоятельный шаг от Гегеля к марксизму; Михаила Яковлевича Басова... И совсем не случайно именно эти имена – Выготский, Блонский, Рубинштейн, Басов – мы называем, когда ищем истоки так называемого деятельностного подхода в советской психологии. Впрочем, к этой группе психологов можно отнести в известной мере и Дмитрия Николаевича Узнадзе, сформировавшегося (как и Рубинштейн) в идейном пространстве Гегеля; И.В. Имедадзе убедительно показал, что все существенные характеристики того, что Узнадзе называл «поведением», идентичны тому, что российские психологи связывают с понятием деятельности.

Впрочем, здесь не все научные биографы Выготского едины. Часть из них вообще не считают, что у Выготского была идея деятельности, во всяком случае в той форме, в которой мы ее находим у А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, А.В. Запорожца (школа Выготского) или

у С.Л. Рубинштейна. Конечно, можно спорить о том, была ли «психологическая теория деятельности» А.Н. Леонтьева и его сотрудников, а затем коллег, прямым продолжением и развитием деятельностных идей Выготского (хотя изучение научных первоисточников убеждает нас, что была), но что такие идеи Выготский неоднократно высказывал, совершенно несомненно – их можно проследить во всех основных работах Льва Семеновича, и мы сделали это в монографии «Деятельный ум», вышедшей в 2001 году в издательстве «Смысл».

Эти идеи однозначно восходят к Гегелю и Марксу. Именно последнему принадлежит тезис о «своеобразии активного трудового приспособления человеком природы к себе, в противоположность пассивному приспособлению животных к среде» (*Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. С. 75*; далее ссылки на это издание даются в тексте в следующем виде: 1, 75). В полемике с Ж. Пиаже четко проводится мысль, что Пиаже ошибочно выводит мышление и развитие ребенка «из чистого общения сознаний без всякого учета общественной практики ребенка, направленной на овладение действительностью» (2, 75). Особенно характерна в этом отношении монография «Орудие и знак в развитии ребенка»: здесь уже употребляется понятие деятельности. Ребенок, пишет Выготский, «вступает на путь сотрудничества, социализируя практическое мышление путем разделения своей деятельности с другим лицом. Социализация практического ин-

теллекта приводит к необходимости социализации не только объектов, но также и действий» (6, 31). И далее: «Собственная деятельность ребенка направлена на определенную цель...». Наличие знака, речи позволяет «представлять в личной ситуации моменты будущего действия». Это «создает условия для совершенно нового характера связи элементов настоящего и будущего, создает совершенно новое психологическое поле для действия, ведя к появлению функций образования намерения и спланированного заранее целевого действия» (6, 49).

Итак, первое, что внес Выготский в советскую и мировую психологию, – это совершенно четкая психологическая концепция **деятельности**. Еще раз подчеркнем: здесь не затрагиваем дальнейшей судьбы этой концепции. Точно так же мы не утверждаем, что именно и только Выготский разработал *философскую* концепцию деятельности как методологической основы советской психологии: приоритет, судя по всему, принадлежит Рубинштейну (хотя эти его соображения 20-х годов остались тогда в рукописи или, как, например, статья 1922 года, были практически недоступны).

Что касается структуры деятельности, то представляет особый интерес то, что Выготский писал об этапах порождения речи (и что дало нам основание говорить о нем как о «первом психолингвисте»).

Уже приведенные слова Выготского из «Орудия и знака» показывают, что его понимание деятельности органично свя-

зано с идеей знаковости и определенной трактовкой психологической роли языка. В.В. Давыдов был совершенно прав, когда подчеркивал, что нельзя понять происхождение деятельности отдельного человека без раскрытия ее изначальных связей с общением и со знаково-символическими системами. Что это невозможно, первым увидел именно Лев Семенович. И попытался построить такую психологическую концепцию, где знак (слово), социум (общение) и деятельность выступили бы в теоретическом единстве.

Это ему в большой степени удалось. В его подходе можно выделить несколько существенных моментов.

Первое: четкий анализ **значения как психологического понятия**. Именно у Выготского понятие значения, до тех пор существовавшее лишь в пространстве логики, лингвистики и семиотики, выступило как равноправное в системе понятий общей психологии и психологии развития.

Второе: **динамический, процессуальный характер значения**. Значение выступает у Выготского как «внутренняя структура знаковой операции» (1, 160), как путь от мысли к слову и т.д.

Третье: **понятие предметного значения**. Оно едва ли не первым очерчено именно Выготским, – хотя аналогичные мысли есть у Рубинштейна, Узнадзе, Леонтьева, но они относятся к более позднему времени.

Четвертое: **смысловое строение сознания**. Понятие смысла выступает здесь у Выготского как «то, что входит

в значение (результат значения), но не закреплено за знаком» (1, 165).

Пятое: социальная природа значения (знака). «Всякая символическая деятельность ребенка была некогда социальной формой сотрудничества» (6, 56).

Шестое: знак, значение как единство общения и обобщения.

Седьмое и самое главное: то, что слово и действие объединены в единую психологическую систему.

Как именно они объединены, Лев Семенович показывает на материале детской игры. (См. его «записки-конспект» об игре, опубликованный Д.Б. Элькониным в своей книге «Психология игры».) Если попытаться кратко сформулировать его позицию, она такова: появление языка (речи) перестраивает систему отображения предметного мира в психике ребенка. Наименование предмета, появление словесного значения вносит новый принцип в организацию сознания. Предметность восприятия прямо детерминирована языком (речью). С одной стороны, построение человеческого сознания связано с развитием орудийной деятельности. Но, с другой стороны, на базе словесных значений, становящихся предметными, возникает система смыслов, которая непосредственно и конституирует сознание. При этом слово биполярно ориентировано, оседая значением в мысли и смыслом в вещи. Благодаря этому возможно оперирование «чистыми значениями» вне непосредственного прак-

тического действия, т.е. мышление, вообще теоретическая деятельность.

Итог: в основе нового способа оперирования с вещами, предметами лежит словесное значение, слово как орудие социального контакта, общения. Вместе с тем развитие этого способа невозможно без практики, без опоры на реальные свойства вещей.

Харьковские ученики сочли эту концепцию «словоцентричной», и в принципе они были, видимо, правы. Расхождение «харьковчан» с Выготским было четче всего сформулировано А.Н. Леонтьевым в недавно опубликованной рукописи «Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского» («Вопросы психологии», 1998, № 1): «Положение Л.С. Выготского о том, что сознание есть продукт речевого общения ребенка в условиях его деятельности по отношению к окружающей его внешней действительности, необходимо обернуть: сознание ребенка есть продукт его человеческой деятельности по отношению к объективной действительности, совершающейся в условиях языка, в условиях речевого общения» (с. 122).

Описанное выше понимание Львом Семеновичем роли языка (знака) в становлении человеческого сознания и деятельности реализует его более общий тезис о **культурно-исторической природе человеческой психики**. (Здесь хотелось бы подчеркнуть, что сам термин «культурно-исторический» может употребляться и употребляется двояко. Во-

первых, для обозначения определенного периода в развитии взглядов Выготского и его школы – того периода, к которому относится статья Льва Семеновича «Проблема культурного развития ребенка», написанная совместно с Лурия книга «Этюды по истории поведения» и монография Леонтьева «Развитие памяти». Во-вторых, в более широком смысле, когда имеется в виду общая идея Выготского о роли исторически развивающейся человеческой культуры в становлении и функционировании индивидуальной психики, – именно в этом смысле говорит о культурно-историческом подходе А.Г. Асмолов в ряде своих работ последних лет.)

Сказанным не ограничивается значение Выготского для психологии XX века. И следующей проблемой, неразрывно связанной с очерченной выше проблематикой деятельности и знака (языка, значения), является **роль социальной, коллективной деятельности в психическом развитии ребенка.**

Чтобы раскрыть подход Льва Семеновича к этой проблеме, необходимо прежде всего понять, что он вкладывал в само понятие психического развития.

Для него характерно понимание «развития как процесса, характеризующегося единством материальной и психической сторон, единством общественного и личного при восхождении ребенка по ступеням развития» (4, 248). Периоды плавного, почти незаметного внутреннего изменения личности ребенка сменяются периодами резких сдвигов, кон-

фликтов. Микроскопические изменения, «накапливаясь до известного предела, затем скачкообразно обнаруживаются в виде какого-либо возрастного новообразования» (4, 249). Как известно, Выготский выделяет 5 таких скачков, или «кризисов»: кризис новорожденного, кризис одного года, кризис 3 лет, кризис 7 лет и кризис 13 лет. К началу каждого нового возрастного периода складывается специфическая «социальная ситуация развития». Это «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной» (4, 258). Именно эта социальная действительность – «основной источник развития».

Мы определяем тестами или другими способами уровень психического развития ребенка. Но при этом совершенно недостаточно учитывать, что ребенок может и умеет *сейчас*, важно, что он сможет и сумеет завтра, какие процессы, пусть сегодня не завершившиеся, уже «зреют». «Подобно тому, как садовник, определяя виды на урожай, поступил бы неправильно, подсчитав только количество созревших фруктов в саду и не сумев оценить состояние деревьев, не принесших еще зрелого плода, психолог, который ограничивается определением созревшего, оставляя в стороне созревающее, никогда не может получить сколько-нибудь верного и полного представления о внутреннем состоянии всего развития...» (4, 262).

Ребенок может решить задачу совершенно самостоятельно, и обычно учитывается только такое, самостоятельное решение. Но может быть и так, что ребенок нуждается для решения в наводящем вопросе, указании на способ решения и т.д. Тогда возникает подражание, конечно, «не механическое, автоматическое, бессмысленное, а разумное, основанное на понимании подражательное выполнение какой-либо интеллектуальной операции». Подражание – это все, «что ребенок не может выполнить самостоятельно, но чему он может обучиться или что может выполнить под руководством или в сотрудничестве...» (4, 263). Но ведь «то, что сегодня ребенок умеет делать в сотрудничестве и под руководством, завтра он становится способен выполнять самостоятельно. ...Исследуя, что ребенок способен выполнить самостоятельно, мы исследуем развитие вчерашнего дня. Исследуя, что ребенок способен выполнить в сотрудничестве, мы определяем развитие завтрашнего дня» (4, 264).

То самое, что ребенок может сейчас выполнять лишь в сотрудничестве, а завтра уже самостоятельно – это и есть знаменитая **зона ближайшего развития**.

Эту зону создает обучение, которое должно «забегать вперед развитию». Оно «приводит в движение целый ряд внутренних процессов развития, которые сейчас являются для ребенка еще возможными только в сфере взаимоотношений с окружающими и сотрудничества с товарищами, но которые, проделывая внутренний ход развития, становятся затем

внутренним достоянием самого ребенка» (*Выготский Л.С. Умственное развитие ребенка в процессе обучения. М. – Л., 1935. С. 16*).

Для психолога (и, разумеется, педагога) здесь важны три момента.

Первое. Каждая психическая функция, пишет Выготский, появляется на сцене дважды. Сперва как коллективная, социальная деятельность, а затем как внутренний способ мышления ребенка. Между этими двумя «выходами» лежит процесс интериоризации, или, как любил говорить Лев Семенович, «вращения» функции вовнутрь.

Второе. Раз так, значит, и сам процесс обучения (да и воспитания) должен представлять собой коллективную деятельность. (Именно в этом направлении шли многие педагогические поиски 20 – 30-х годов, включая А.С. Макаренко.)

И третье. Смысл работы учителя в том, чтобы направлять и регулировать деятельность учеников через коллективную деятельность, через организацию сотрудничества учеников друг с другом и учителя с учениками.

Совершенно очевидно, что эта концепция Выготского есть глубинная **теоретико-психологическая основа педагогики сотрудничества и развивающего обучения**. И в этом одна из главных заслуг Льва Семеновича не только перед общей и педагогической психологией, но и перед всем российским образованием.

Вернемся ненадолго назад, к рассуждениям Выготского о

диалектике развития ребенка, и обратим внимание на одну его формулировку. Он говорит, что новообразования критических (конфликтных) периодов не сохраняются в дальнейшем в неизменном виде «и не входят в качестве необходимого слагаемого в интегральную структуру будущей личности» (4, 254).

Что же такое для Выготского эта **интегральная структура личности?**

Конечно, само понятие личности существовало в психологии и до Выготского. Но его понимание личности было в каком-то смысле уникальным.

Во-первых, для Льва Семеновича «личность – *первичное, что создается вместе с высшими функциями*». А сами эти функции – «*перенесенные в личность, интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности...* Индивидуальное личностное – не *contra*, а высшая форма социальности» (*Выготский Л. С. Конкретная психология человека // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. № 1. 1986. С. 59, 54*). (Здесь много общего с мыслями С.Л. Рубинштейна тех лет.) Иначе говоря, личность для Выготского есть та основа, вокруг которой строится вся психика человека, включая деятельность и сознание, то в конкретном человеке, что является непосредственным продуктом, кристаллизацией его социальной жизни. «Раз человек мыслит, спросим: какой человек... При одних и тех же законах мышления... процесс будет разный, смотря по тому, в каком

человеке он происходит» (*там же*, 59).

Во-вторых, цитируемая статья Выготского не случайно названа «Конкретная психология человека». Это термин Ж. Политцера, французского психолога-марксиста, у которого взято и еще одно важное понятие – «драма». Выготский вообще ценил Политцера очень высоко. Идея личности как драмы важна потому, что вместе с ней в психологию личности вторгается идея диалектики, внутренней борьбы, сложной динамики, слияния и взаимопереходов психических процессов, функций и состояний.

В-третьих, мир для Выготского не есть – пользуясь известным выражением Дж. Брунера – «мир символов»: познавательные процессы – только часть процессов интериоризации, они подчинены личности, определяющей и регулирующей их.

В собственно психологическом плане личность для Выготского – это, по его же терминологии, динамическая смысловая система, включающая мотивационные, волевые, эмоциональные процессы, динамику действия и динамику мысли. «В процессе общественной жизни... возникают новые системы, новые сплавы психических функций, возникают единства высшего порядка, внутри которых господствуют особые закономерности, взаимозависимости, особые формы связи и движения» (6, 328).

Таким сплавом, такой единицей высшего порядка для Льва Семеновича и является личность как единство интел-

лекта и аффекта. Их отношение – «не вещь, а процесс». (И, вероятнее всего, перестановка акцентов в последних работах Выготского с деятельности на это единство интеллекта и аффекта, первоначально вызвавшая протест его харьковских учеников, означала собой как раз переход к личностной парадигме, – первым его правоту признал АВ. Запорожец еще в самом конце 30-х годов, а позже к той же позиции пришел и А.Н. Леонтьев.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.